

Амарсана УЛЗЫТУЕВ

ПРОДВИГАЯСЬ ВНУТРИ ПЛОМБИРА

Анафоры

Всеземля

О, эта лёгкость кита в океане,
Облака лёт в пламенеющей бездне,
Очи, горящие очи зебры, летящей в саванне,
Ос невесомость тончайшей работы...

Ни возлюбить, ни обнять, ни у сердца взлелеять –
Нет ей конца, тесноте этой, ибо
Небо и звёзды, земля, океаны
Ни обратить – круговерть остановишь ты разве?...

Не укротить, как в гречихе жужжання –
Смертно так, никогда, ни в какую,
Неповторимую, ни приручить для любви, бесконечность
Не воскресить, о душе уповая.

Как невозможно, ударившись оземь,
В камень, в траву обратиться, в планету,
Ни возлюбив, ни пожертвовав ради
Снегом, дождём, золотыми лучами...

Техника безопасного поцелуя на морозе

(Взгляд бурята на Якутию)

Еду в Республику Саха – кто без греха, первый брось в меня строганиной из рыбыны чир!
Нету... всем блазнится она, нежная вечной мерзлотой и северным сиянием,
Да, купили меня с потрохами – за экологически чистое небо в алмазах,
За поцелуй на морозе взасос, с тобою, краса!

Во время долгого поцелуя с тобою нельзя: улыбаться, разевать рот – скуёт язык,
(Вот почему якутяне молчаливые, как мамонты),
При этом, руки держи в рукавицах, иначе пальцы примёрзнут к вселенной,
(Поэтому якутяне не размахивают руками и очень редко обнимаются)...

Где мохнатые лошади снег тебелят, продвигаясь внутри пломбира,
А башковитые волки, вгрызаясь в косулю, подранят вторую – дабы дней через 20 вернуться за нею...
Где якут, если сел на коня – превращается сразу в поэта,
И влекут блаженную рыбу в подлёдные сети психоделические воды великой Лены...

Здесь, по Аянскому тракту два века сплошь белели кости ямщицких коней,
Здесь эвен иль эвенк, юкагир или чукча – вместо компаса пользовались якутским,
И со времен ымыяхтахской культуры, здесь после краткого лета, первого снега ждут не дождутся,
И собирают в огромный замороженный куб оленье молоко – для сказочной книги рекордов

И чёрными полярными ночами у них всё никак не сойдутся генетические концы на якут точку
ру,
И пращуров во тьме веков всё ищут, словно детдомовские своих родителей,
Черноглазые и гордые, так доверчиво смотрят в глаза, словно это я потерял их,
в бескрайних, как космос, снегах,
Узкоглазый бродяга, охмурил их красавицу-мать и бросил...

У реки

В сельве Амазонии –
Вселенной на Божьей ладони –
Дедушка в гамаке из листьев, с трубкой в правой руке, а левую под голову
подложив,
Девочке восемь лет, стебелёк в мочку уха продет,
Мальчику уже семь, губа не болит совсем (ниточку-оберег недавно туда продели),
Малыш поплакал возле дедушкиного гамака и успокоился,
Да и как тут поплачешь – птицы смеются, солнце щекочет,
Дай нам тебя поцеловать! – подшучивают цветы лиан,
Старый шаман, от жизни и смерти пьян, спит в гамаке с трубкой в правой руке,
Стая жар-птиц пролетает мимо, джунгли тут как тут, все сплетни свои плетут,
Одиннадцать тысяч лет крокодил в эту реку продет,
Лыбится крокодил, видать кого-то опять проглотил,
Деревушка луки у самого края,
Девушка из реки, нагая...
Радуйся, дед, одиннадцать тысяч лет,
Рая и ада, болезней и бед во сне твоём нет...

Германия

Внутри чужой Родины
Внуков и правнуков тех, чья история – от варваров до Люфтганзы,
Вот она какая – как спящий ребёнок, трогательная и безмятежная!
Любо мне прикоснуться к люльке её крепостей и соборов,
Лоб готический её поцеловать...
Ай да братья Гримм её лесов и полей!
Дай, обниму вас, бурятские сопки баварские,
Аккуратные чёлки нежно поглажу черепичных крыш деревушек и
городков,
Ахтунг! – вынянченные с умом
Гениев, познавших блаженство,
Гегеля и моего учителя Канта, и других совершенномудрых...

Ода женским причёскам

Зверокудрая эта женщина – зачем тебе,
Звёзд быстроглазых, галактикобедрых воитель,
Эклиптикогрудой песни ласкатель –
Эта богиня многогневных волос с неумолимой расческой судьбы?..

Я встречаю её с флорой и фауной самых разных причесок,
В ямах метро, в норах автобусов и трамваев, в долинах и ущельях улиц,
Кто с огненными распущенными волосами первобытными,
Кто с козьим хвостиком, а кто с китовым фонтаном-хвостом.

Планирующие махаоны каре марсианский глаз мой ласкают,
Фланирующие буйволиные стада кудряшек, львиные прайды кудрей,
Лошадиные табуны стрижек,
Лебединые станы укладок,

А косы, боже мой, что за звери – эти косы!
Аллоха! я им кричу, Аллахум! я им пою, Ом мани! – я их молю...
Этим древнерусским косам, этим африканским дредам,
Этим средиземноморским локонам-завиткам в бесконечность...

Как будто природа через волосы женщин молит меня –
Бенвенуто, алле, я здесь – целуй меня камнем или бронзой!
Машет волосяной стихией женских головок голоуших и зимой, и летом,
Манит обратно в доисторическую нежность, в лохматые объятия, в
пещеры,
в берлоги, в саванны, в пампасы.....

Шарики за ролики у меня в голове,
Шарю по этому буйству природы нлошными очами восхищёнными,
Цивилизацией воскресшей – то индской, то кхмерской, то
древнегреческой,
Целюсь то в одну елену прекрасную, то в другую...